

А. В. РАСТЯГАЕВ

Теологическая концепция поэтического творчества Тредиаковского

Современный исследователь отмечает, что Тредиаковский, как никто другой из поэтов XVIII века, «стремился к соединению сакральной душеполезности со светской художественностью в литературе»¹. Уподобляясь древнерусскому книжнику, поэт считал главными своими добродетелями филологическое трудолюбие в сочетании с благочестием и смирением. Доказательством того, что в представлении Тредиаковского поэт — посредник между Богом и человеком, а поэтическое вдохновение генетически восходит к молитвенному, стали его филологические работы и переложение Псалтири. В 1752 году Тредиаковский во второй книге «Сочинений...», кроме исправленного переложения 143 псалма, издал девять новых стихотворных переложений, выстроенных в определенной последовательности². Они составили целый раздел — «Оды Божественные». Сами выбранные псалмы и их переложения, снабженные авторскими названиями, структурно составляют единое целое. Л. Ф. Луцевич предполагает, что данная композиция «диктовалась некоей внутренней потребностью автора выразить свое состояние, положение, воплотить с помощью библейских текстов собственное ощущение жизни в ее основах и приоритетах»³. Гипотеза ученого может быть доказана с помощью анализа выбранных Тредиаковским псалмов, опубликованных в 1752 году. Экзегетика самих библейских текстов и стихотворные переложения поэта, помимо ветхозаветной топики, включают особый дискурс, представляющий собой контаминацию религиозно-эстетических воззрений Тредиаковского и рефлексии по поводу драматических моментов собственной жизни.

1750-е годы — сложный период в творческой и личной судьбе писателя. С одной сто-

роны, кропотливая филологическая работа: создание трагедии «Деидамия», публикация повторного перевода «Аргениды», издание первого собрания сочинений, работа по полному переложению Псалтири. С другой — время постоянных преследований и унижений, принудивших первого русского профессора не посещать Академию, что закончилось увольнением 30 марта 1759 года. Литературная война, которую объявил Сумароков Тредиаковскому написанием комедии «Тресотиниус» (1750), больно ударила по самолюбию писателя. В первом же отклике Тредиаковского — «Письме, в котором содержится рассуждение о стихотворении, поныне на свет изданном от автора двух од, двух трагедий и двух эпистол, писанное от приятеля к приятелю» (1750, изд. 1865) — уязвленный поэт пытается защищаться от несправедливых, по его мнению, нападков. Себя автор письма сопоставляет с Сократом, которого в комедии «Облака» Аристофан изобразил как лживого и опасного для общества софиста: «Смотря на все такое недостойное ругательство, воспоминал с мыслию Аристофанову комедию, названную Облака... Да заслужил ли оное ругательство Сократ от Аристофана? Заслужил ли ж и наш общий друг тож самое от Тресотиниусова Автора? Сим токмо сравниваю Сократа с нашим общим другом»⁴. Уподобление себя Сократу и соотнесение своего противника со скоморохом может рассматриваться как сознательная попытка самосакрализации.

Принцип уподобления, реализованный Тредиаковским в собственном писательском поведении, в контаминированном и трансформированном виде реализует топику агнографической традиции. Он определяет тип религиозной святости и становится одним из топосов писательского поведения поэта Но-

вого времени, притязавшего на мирскую святость. По мысли А. М. Панченко, претендуя на обладание истиной, «поэт соперничает с архипастырем, потому что культура вступает в состязание с верой»⁵.

Для того чтобы разобраться в особом типе писательского поведения, явленного Тредиаковским, обратимся к его пониманию природы поэтического творчества. Этот вопрос становится основой концепции Тредиаковского о происхождении поэзии и ее роли в религиозно-культурной жизни России. В статье «Мнение о начале поэзии и стихов вообще» (1752) Тредиаковский определяет сущность поэзии, которая «влита в человеческие разумы от Бога»⁶. По Тредиаковскому, поэзия изначально представляет собой Божественный дар, а задача поэта — славить величие Бога.

Продолжая общеевропейскую культурную традицию, Тредиаковский выстраивает собственную теогенную теорию происхождения поэзии: «Поэзия была священнейшей и первейшей философией, которая с начала веков образу жития научала, путь показывала к добродетелям и провозгладала по нем; а особливо, прославляла Бога и его Величие и свойства»⁷. Ссылаясь на Священное Писание, Тредиаковский называет первым поэтом пастуха Иувала, который еще до потопа почувствовал в себе божественный дар подражать естеству поэтическим словом (Быт. 4. 19–21).

По Тредиаковскому, особую роль изначально играло священство, которое всегда опиралось на силу слова. Священники должны были «молить Бога о благосостоянии, призывать Его в помощь, славословить величие Его, умиловать его жертвами, благодарить Его за благодеяния и наставлять народ о достолюбом к Нему почтении»⁸. Сакральная миссия священства должна была быть подчеркнута особым качеством речи.

А. Ф. Луцевич отмечает, что для Тредиаковского важен момент разделения поэзии и стиха. Если поэзия — художественная концепция человеческой жизни в целом, то стих — лишь формальный элемент, с по-

мощью которого поэт это целое создает: «...в отличие от поэзии, которая является даром Божиим, стих изобретен самим человеком для славословия Бога»⁹. В подтверждение справедливости этого вывода можно привести пример из Священного Писания, когда косноязычный Моисей по воле Бога призывает для общения со своим народом толмача Аарона (Исх. 4. 10–16). Аарон не просто переводчик, а еще и «первый в чреде первосвященников, родоначальник священнической касты»¹⁰. Моисей — Богом избранный пророк, чье косноязычие мешает прямому общению с людьми. Аарон становится посредником пророка и тоже богоизбранным, сначала толмачом Моисея, а затем получает сан священника и исключительное право совершать культовые действия. Тредиаковский уподобляет поэтический дар пророческому и считает библейских пророков поэтами. Среди всех ветхозаветных героев особенно чтим царь Давид — псалмпевец, чье творчество Тредиаковский называет достойнейшим образцом для подражания, так как именно псалмы Давида, по мысли поэта, счастливо соединяют поэзию со стихом.

Таким образом, обращение Тредиаковского к переложению новых псалмов в 1752 году и создание стихотворной Псалтири, рукопись которой была подготовлена к печати к 1753 году, мотивированы логикой поэтической концепции филолога, генетически восходящей к платоновской идее Божественного происхождения поэзии. Становление культа мучеников в эпоху раннего христианства востребовало ветхозаветную псалтирную поэзию с ее авторитетом и авторством. Неслучайно именно псалмы царя Давида звучали у могил святых, а самой часто цитируемой фразой о мучениках стал стих Псалма 33: «Очи Господни обращены на праведников, и уши его — к воплю их» (Пс. 33.16). Можно предположить, что, обращаясь в 1752 году к переложению избранных псалмов, Тредиаковский реализует специфическую исповедальную модель. Проникновенно-интимные интонации ветхозаветных псалмов создают исповедальный дискурс всего двухтомного

«Собрания сочинений» Тредиаковского. Драматические перипетии судьбы поэта освящены высокой целью, а труд филолога уподоблен одновременно пророческому дару и ответственности первосвященника.

«Псалтирь, или книга псалмов блаженно-го пророка и царя Давида, преложенных лирическими стихами и умноженных пророческими песнями от Василия Тредиаковского в Санкт-Петербурге. 1753» представляет собой объемный текст. Поэт предпосылает переложением развернутое «Предуведомление», адресует Псалтирь 1753 года «Христоверным Читателям Российского Племена», а посвящает Церкви¹¹. Первейшей причиной обращения к переложению всей Псалтири поэт называет стремление к подражанию европейским христианам, которые уже имели стихотворные варианты Псалтири на своих национальных языках: «Нет из сих ни единого, у коего псалмы не были б преложены стихами, и стихами лирическими, как то и должно, и род псалмов требует»¹².

В данном подходе можно увидеть реализацию принципа подражания, который был весьма значим для классицистов. На наш взгляд, принцип подражания, положенный Тредиаковским в основу поэтического труда, выходит за рамки литературной традиции исключительно Нового времени. Тредиаковский изучает не только старославянский текст, но и обращается к греческим, латинским и французским текстам, исследует переводы с еврейского, знакомится с православной экзегетикой псалмов. Тредиаковский перестает в данном случае быть просто трудолюбивым филологом или светским поэтом. Авторитетность Псалтири, сакрализованная именем царя Давида, так или иначе делает причастным космической инициативе и автора переложения псалмов. Если сочинения Тредиаковского в двух книгах публикуются в соответствии с традицией Нового времени и фамилия сочинителя указывает на авторство сочинений и переводов, то подготовленная к изданию Псалтирь 1753 года в заглавии сочетает имя царя Давида и автора переложений Василия Тредиаковского. Та-

ким образом, заявленный автором в «Предуведомлении» отказ от собственных толкований и каких-либо пастырских амбиций вызывает сомнение.

По мнению С. С. Аверинцева, «Давид, своей царской властью учредивший общество певцов и поручивший им благолепие богослужбного обихода, — поручитель за Книгу Псалмов»¹³. Василий Тредиаковский, переложивший Псалтирь лирическими стихами и умноживший их пророческими песнями, утверждает своим именем новый способ сложения стихов, увеличивая весомость роли поэта в светском обществе. То, что стихотворное переложение Псалтири Тредиаковского выходит за рамки филологического интереса, доказывает финал «Предуведомления», который представлен молитвой, адресованной автором переложений Святому Духу.

Существует несколько гипотез относительно причин, которые воспрепятствовали публикации Псалтири 1753 года. С одной стороны, изданию книги противодействовал М. М. Херасков — глава Синодальной типографии, единомышленник Сумарокова. С другой — существовало письменное свидетельство о церковной благонадежности стихотворной Псалтири Тредиаковского, датированное началом 1755 года, по которому книгу можно было издавать. Однако Тредиаковский высказал особое пожелание к способу печатания Псалтири, чтобы она печаталась как духовная литература церковным типом. После этого последовало дополнительное освидетельствование Синодом и отказ печатать произведение Тредиаковского в церковной орфографии. На наш взгляд, такая странность вполне вписывается в парадигму мирской святости. Несмотря на то что учительность — прерогатива церкви, поэт как новая фигура в светском государстве претендует на учительство: еще в XVII веке антагонисты Симеон Полоцкий и протопоп Аввакум уподобляли себя апостолам. Культура, объявив себя соперницей веры, это противостояние выиграла. Нелепые, с точки зрения современного сознания,

поступки Тредиаковского определены типом его писательского поведения и имеют свою логику.

По мысли В. М. Живова, в период с 1730 по 1760-е годы складывалось новое состояние русской словесности. Отцы новой русской литературы Тредиаковский, Ломоносов и Сумароков считали себя создателями отечественной словесности, ориентированной на европейские образцы. Причем «в качестве исходного материала у них не было ни подготовленной читательской публики, ни каких-либо гуманистических институций, в которых литература занимала хотя бы скромное, но определенное место»¹⁴. Более того, им приходилось не только строить свою карьеру, но и создавать те социальные условия, в которых избранный ими путь имел бы право на существование. В силу этого в их судьбе социальное творчество играло не менее важную роль, чем творчество собственно литературное. Эти два вида творчества в судьбе Тредиаковского были сильно переплетены. 1730-е годы — время утверждения социальной роли писателя по принципу уподобления французской модели, предполагающей моменты авантюры, эпатажа, поиска литературного успеха. Следствием данной стратегии становится перевод Тредиаковским «Езды в остров любви» Талемана. Однако, несмотря на успех у читающей публики, литературная слава не превратилась для Тредиаковского в социальный статус и не принесла материального благосостояния. Тогда Тредиаковский обращается к панегирическому творчеству, надеясь стать придворным поэтом императрицы Анны Иоанновны. Поиск иной социальной роли приводит Тредиаковского к созданию од и панегириков. Хотя «Тредиаковский не признается в пронемецкой ориентации своей программы», предпочитая указывать другие источники: русский фольклор, классическую древность, хорватскую поэзию — он, безусловно, следует именно немецкой модели¹⁵.

В 1731 году в Петербург прибывают немецкие литераторы, искушенные в обслуживании императорского двора, со своей усто-

явшейся моделью социально-бытового поведения. Известно, что в 1733 году немецкий поэт Г. Ф. Юнкер оказывается придворным поэтом императрицы Анны Иоанновны и пишет три панегирические оды, о которых Тредиаковский лестно отзывается и переводит. Вероятно, что пронемецкая позиция Тредиаковского в литературном творчестве мотивирована прежней неудачей применения к русским социальным реалиям французской модели писательского поведения.

Тредиаковский чутко уловил нюансы новых социальных реалий и посчитал, что рядом с немецким придворным поэтом при русской императрице нужно быть поэту русскому. Получение должности адъюнкта Академии было следствием поддержки немецкой партии. Однако для немецких профессоров Тредиаковский всегда был чужаком, а профессорство было не по чину сыну поповича.

Ощувив себя плебеем, Тредиаковский вновь обращается к французской модели писательского поведения и пытается отделить литературу от учености, создав для литературы независимое социальное пространство по французскому образцу. Пожар 1737 года положил предел подобным социальным экспериментам Тредиаковского. Оказавшись без средств к существованию, без жилища, вынужденный даже перебраться из Петербурга в провинциальный Белгород, Тредиаковский вновь ощущает себя изгоем. Он окончательно утверждает в мысли о ничтожестве социального статуса поэта и ученого при российском дворе. Острая конкуренция со стороны Ломоносова и отсутствие надежного патрона заставляют Тредиаковского вновь искать для себя социальные ориентиры. Существенной вехой в социальном и литературном творчестве стал 1745 год, когда по ходатайству Священного Синода Тредиаковский стал профессором Академии. Временный успех Тредиаковского при поддержке Синода оказался не началом успешной академической карьеры, а качественно иным периодом социального и литературного творчества первого русского профессора. Новая установка Тредиаковского — стать

не модным литератором и не придворным поэтом, а ученым-наставником народа.

Вариант подобной социальной модели Тредиаковский впервые усвоил во Франции, слушая лекции «славного» Роллена в Парижском университете. Неслучайно с 1737 года и до конца жизни Тредиаковский переводит и печатает его труды. Создание собственного трактата в стихах «Феоптия» (1750–1754), повторный перевод «Аргениды» Баркляя (1751), издание двухтомного «Собрания сочинений и переводов» (1752), обращение к стихотворному переложению Псалтири (1753) и, наконец, «Телемахида» (1766) — все это доказывает, что Тредиаковский теперь ищет не литературный успех или ученое признание, а преследует религиозно-просветительскую цель. Тредиаковский приходит к мысли, что литература не должна воспевать царей и эстетизировать их придворную жизнь. Задачу литератора он видит в просвещении народа и наставлении правящего монарха. Если просвещенный монарх — центр социальной гармонии, то поэт — его помощник в возвращении к «золотому веку» человеческой истории.

¹ Луцевич Л. Ф. Псалтырь в русской поэзии. СПб., 2002. С. 299.

² Тредиаковский В. К. Сочинения и переводы как стихами, так и прозой : в 2 кн. Т. II. СПб., 1752. С. 63–68.

³ Луцевич Л. Ф. Указ. соч. С. 313.

⁴ Там же. С. 470.

⁵ Панченко А. М. О русской истории и культуре. СПб., 2000. С. 311.

⁶ Тредиаковский В. К. Сочинения и переводы как стихами, так и прозой: В 2 кн. Т. I. СПб., 1752. С. 161.

⁷ Там же. С. 161–162.

⁸ Там же. С. 168.

⁹ Луцевич Л. Ф. Указ. соч. С. 285.

¹⁰ Аверинцев С. С. Собр. соч. / под ред. Н. П. Аверинцевой и К. Б. Сигова. София — Логос. Словарь. Киев, 2006. С. 14.

¹¹ Vasilij Kirillovič Trediakovskij, Psalter 1753. Erstausgabe. Besorgt und kommentiert von A. Levitsky. Hrsg. von R. Olesch und H. Rothe. Paderborn — München — Wien — Zürich. 1989. S. 8.

¹² Ibidem. S. 3.

¹³ Аверинцев С. С. Авторство и авторитет // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания: сб. ст. РАН, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького / отв. ред. П. А. Гринцер. М., 1994. С. 109.

¹⁴ Живов В. Первые русские литературные биографии как социальное явление: Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков // Новое литературное обозрение. М., 1997. № 25. С. 25–26.

¹⁵ Клейн И. Пути культурного импорта: Труды по русской литературе XVIII в. М., 2005. С. 243.